Возвращаясь к методологии Карамзина и, в частности, к вопросу об отборе исторических материалов и сюжетов для русской «истории», имеет смысл вновь обратить внимание на форму его рассуждений. Аргументация Карамзина, изложенная в сослагательной форме, уже несущей в себе ответную реакцию на предложение, явно подразумевает адресата в лице Юма и его рекомендации историкам: «Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени с... когда совершилось одно из величайших творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя». Но этого недостаточно: «...мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем историю». 62

Важно отметить, что здесь впервые Карамзин вынужден признать, что история бывает «утомительна» для читателя. Он принимает юмовскую трактовку эмоционального восприятия «истории», но с оговоркой: «...чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием». 63

Наряду с этим высказыванием в Предисловии в большей степени присутствуют утверждения типа: «история доставляет удовольствие для сердца и разума», т. е. предполагающие несколько иной тип читательского восприятия, а именно тот, который анализирует Юм. Очевидно, что для разрешения возникшего в этой связи противоречия (удовольствие или утомление?), Карамзину нужны убедительные мотивы. Ведь для него, профессионального писателя, бесспорным знанием является то, что пишет Юм по поводу психологии художественного восприятия: «...читатель должен испытывать сильное утомление и неприятное чувство от повторяющегося воздействия одних и тех же действий». 64 Однако задачи национальной историографии, требующей уважения ко всем без исключения событиям истории, противоречили этому правилу. Решение, найденное Карамзиным, подчинено его концепции русской истории как истории государственности, которая включает в себя и такую категорию как «государственная нравственность». Призывая читателей русской истории «вооружиться терпением», уверяя, что в конце концов их терпение вознаградится «удовольствием», Карамзин ап-

⁶² Карамзин Н. М. Предисловие. С. 16—17.

⁶³ Там же. С. 16.

⁶⁴ Примечание Д. Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 340.